

*В.С. Глаголев*

## **Центростремительные тенденции в истории народов Урало-Поволжья**

Исследования Р.З. Янгузина, посвященные этнологии башкир, опираются на анализ долгосрочных тенденций, игравших ведущую роль в становлении и развитии башкирского народа, более 400 лет сохраняющего прочные и все более углубляющиеся связи с российской государственностью, хозяйством и культурой. Отметим некоторые характерные особенности исторического развития данного региона.

Урало-Поволжский регион на протяжении нескольких тысячелетий являлся районом, в котором интенсивно шли миграционные потоки с юга на север и с востока на запад. Он составлял неотъемлемую часть гигантской Великой Степи, где происходили этнообразующие процессы, развертывались многоэтапные конфликты между этносами с ослаблением одних, укреплением других, гибелью третьих. При этом часть первоначальных победителей становилась побежденными, а то и вовсе теряла свои исходные культурно-исторические характеристики, - сохраняя, однако, присутствие в языках выживших этносов, в их мифологии, искусстве и, соответственно, в народной памяти. Столкновения протогосударственных образований и их распады оставляли следы в исторической памяти народов. Иногда – в форме этноса-союзника; иногда – врага. Сохранялся и след переменчивых характеристик, свидетельствовавших об амбивалентности влияния того или иного этнического образования на жизнь его соседей. В основном свидетельства былых сражений с их победами и поражениями хранят артефакты, добываемые в археологических исследованиях. Фольклор также является образным конденсатором исторической памяти народов.

В конце концов, в Урало-Поволжском регионе на несколько столетий утвердилось присутствие двух основных религиозных доминант: исламской, восходящей к принятию этой религии правителями Золотой Орды и ее региональных наследников; и православие, которое после подвижничества Стефана Пермского – ученика Сергия Радонежского, распространяется в Западном Урале и в других районах региона вместе с их освоением «служилыми людьми» государства российского и их продвижением к Уралу.

Поражение Казанского ханства в борьбе с Московским царством, а затем и включение Астраханского ханства в состав России, существенно изменило положение исламского культурообразующего фактора. Он был, с одной стороны, компонентом консолидации этнонациональных групп, исторически связанных с золотоордынскими порядками и сохранявшейся инерцией ностальгии по ним. С другой стороны, пример касимовских татар, добровольно перешедших служить Великому княжеству Московскому, а затем и Московскому царю Ивану Грозному, ознаменовал дивергенцию культурно-политических и религиозных векторов в жизни этносов, ранее входивших в состав Золотой Орды. Наряду с крещением происходило и приобщение к материальной и духовной культуре, равно как и овладение письменностью, принятой в Московском государстве. Последнее, со своей стороны, не ставило своей задачей поголовную русификацию своих подданных, удовлетворяясь отбором и поощрением служилых назначенцев – выходцев из местного населения.

Репрессии, избирательно направленные против представителей того или иного этноса, осуществлялись, как правило, лишь в тех случаях, когда возникали этнические

мятежи. Причем не только под влиянием активных сторонников ислама; но и шаманистов, придерживавшихся языческих верований. К слову сказать, последние были распространены как среди христианского населения, так и последователей ислама.

Устойчивые хозяйственные связи, способствовавшие стягиванию этносов в протонации, первоначально складывались вокруг добычи соли, торговли пушниной, обмена товарами бытового назначения и предметами роскоши, в ходе торговых операций, становившихся все более регулярными по мере развертывания колонизации Сибири и продвижения отрядов служилых людей все дальше на восток.

Урало-Поволжский регион становился тылом для этих отрядов. Он снабжал их продовольствием, инструментом, насущно необходимым скотом, гужевым и верховым транспортом, кожами и многими другими изделиями, столь необходимыми воинству – порох, свинец и т.д. Все это было невозможно везти на тысячи километров из Москвы и других городов. Базы их производства перемещались в Урало-Поволжье. В результате были подготовлены условия для развертывания обширной программы строительства литейных и железоделательных заводов, оружейного дела, добычи золота и других полезных ископаемых. Богатые кладовые Уральских гор и их отрогов позволили развернуть в 18 – 19 вв. технологии, опиравшиеся на достижения первой промышленной революции. Они сделали регион одной из промышленных и сельскохозяйственных баз Российской империи, удовлетворявшей с успехом ее военные и индустриальные потребности в 19 столетии.

Чрезвычайно важно иметь в виду, что эта деятельность руководствовалась логикой хозяйственной целесообразности. Для нее не было ни «башкирина», ни «татарина», ни «черемиса». Были значимы лишь люди, отвечавшие ее задачам и требованиям, готовые осваивать технологическую грамоту, приобретать все более обширные знания. В данной сфере русский язык для местных народов оказался вне конкуренции. Ни на одном из их родных языков не существовало технических руководств и инструкций, учебных пособий среднетехнического уровня. Не говоря уже об уровне инженерном.

Как следствие, состоялась дифференциация культурных трендов. Традиционная культура обеспечила относительную устойчивость воспроизводства навыков хозяйствования в скотоводстве и земледелии, сложившихся за тысячелетия. Промышленная же сторона деятельности и обеспечивавшие ее научные, организационные и технологические навыки базировались на русском языке с использованием переводов на него руководств, создаваемых английскими, французскими, а затем и немецкими авторами.

При этом русский язык и культура существовали в качестве посредника, доводившего на места ценнейший технологический опыт, приобретенный и приобретаемый за границами России. Он играл и важнейшую роль в гуманитарном просвещении населения края, вводя в его духовную жизнь последние опыты русской художественной литературы, поэзии, архитектуры и т.д. Просветители урало-волжских народов, владея русским языком и работая в сфере трансляции достижений русской культуры, были важнейшим связующим звеном между местными культурами и русской культурой. Последняя, узнавая о культурно-духовных измерениях, характеризующих менталитет и душу так называемых «иностранцев», расширяла свои горизонты и осваивала элементы фольклора и музыкального творчества, поступавшие таким образом в переработанном виде в новую фазу культуротворчества. Так, «Половецкие пляски», если говорить об их музыкальном решении, не могла возникнуть без образа своеобразия культуры народов Степи, оказавшихся в интенсивных контактах с культуурообразующей доминантой творчества русского народа. При этих условиях культурное обособление, а тем более – этническая замкнутость, становились уделом если не национальных маргиналов, то, по крайней мере, групп, дистанцированных от активного соучастия в

преобразовании жизни на основе индустриальных достижений и связанных с ними типов социальной организации. «Острова», и даже регионы патриархального традиционализма сохранялись. Но их не активизировал пульс последних технико-культурных инноваций. И, как следствие, они оказывались все более пассивной частью общественного бытия.

Поскольку тенденция активной индустриализации края выявилась еще в 19 веке, именно с ней российские государственники связывали будущее империи. Напротив, государственно образованные группы местной интеллигенции ориентировались на расцвет гуманитарно-духовной культуры своих народов путем активизации ее исламских и образно-языческих элементов в функции определяющих структур в системе национального самосознания. На этой основе постепенно сложились общественные объединения, для которых возрождение национальных культур региона выступало в функции сопротивления ведущим тенденциям всесторонней привязки края к хозяйственному целому империи.

Февральская революция 1917 года, а затем большевистский переворот способствовали разнообразным проявлениям этнокультурной многомерности и, соответственно, стимулировали множество проектов как национальных, так и государственных автономий. Активные сторонники этих проектов стремились обрести доступ к рычагам государственной власти, - даже ценой разрушения единого хозяйственного, организационного и культурного поля. Политические амбиции в условиях «смутного времени», наступившего после февраля 1917 г. и последующая Гражданская война привели к временным неоднократным переделам этих полей. Не секрет, что большевики смогли победить, поощряя политические амбиции тех этнонациональных групп, которые рассчитывали быть их временными союзниками, - с последующим обретением собственной государственно-административной значимости. Сложившаяся система союзных республик и входящих в нее автономий на почти семь десятилетий стала зримым образом мнимых уступок большевиков. Однако с распадом СССР возникла опасность очередного витка претензий на передел властных полномочий, угрожающих целостности хозяйственно-административного поля страны. В Урало-Поволжском регионе данные претензии включили и ревитализацию исламской культурно-духовной и политической составляющих. Логика этих тенденций не совместима с сохранением и воспроизводством базовой структуры целостности страны и работает против нее.